

Группировки российских генералов в 1812–1814 годах

Состояние и развитие современной историографии 1812 г. дает возможность рассмотреть один из самых малоисследованных вопросов той эпохи – взаимоотношения и расклад сил внутри российского генералитета, профессиональные, социальные и национальные особенности высшего командного состава, а также борьбу генеральских группировок в наиболее драматичные моменты боевых действий.

Армия, государство и общество в 1812 г.

В кризисных условиях, когда российской империи реально угрожала опасность потери национального суверенитета, только армия как главный инструмент защиты территориальной целостности могла спасти страну. Ее чрезмерно возросшая роль определялась другими факторами. В условиях подготовки к войне император и его высшие сановники стали уделять армии неослабное внимание: на военных посыпались награды, новые назначения, денежные выплаты и т. д. Властные структуры стали обхаживать ту основную силу, от действий которой зависело ее будущее. В 1812 г. произошла также резкая милитаризация общественной жизни, а государственные институты были вынуждены прислушиваться к голосу общества.

Накануне начала военных действий резко поменялся внутривластный курс в связи с изменением расстановки политических сил в высших сферах власти. Александр I, отправив в ссылку чуть ли не по обвинению в предательстве (во что он сам вряд ли искренне верил) крайне непопулярного среди дворянства либерала и реформатора М.М. Сперанского, выдвинул на ключевые государствен-

ные должности двух известных традиционалистов – А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина, долгое время бывших не у дел. Имена обоих сановников четко олицетворялись в обществе с национально-патриотическими тенденциями. Фактически сменившего Сперанского на посту государственного секретаря адмирала Шишкова воспринимали как горячего поборника старины и стража чистоты русского языка, а возглавивший Москву («столицу недовольных») Ростопчин получил громкую известность как застрельщик патриотических памфлетов с антифранцузским содержанием. Действия царя не просто являлись уступкой дворянскому консерватизму или отказом от либеральных ценностей, а свидетельствовали о том, что власть перед грядущим военным столкновением стремилась найти в будущем, чреватых бедными обстоятельствами прочную опору в дворянском обществе. Это был весьма расчетливый ход правителя. Двух известных критиков предшествовавшей профранцузской либеральной политики привлекли к сотрудничеству и тем самым нейтрализовали.

За этой первой акцией в военной сфере последовало возвращение на службу ряда видных и известных в армии военачальников – барона Л.Л. Беннигсена, графа А.И. Остермана-Толстого, князей С.Н. Долгорукова, А.И. Горчакова, Д.М. Волконского, братьев Б.В. и Д.В. Голицыных и других. Все они, кроме немца Беннигсена, принадлежали по рождению к верхам российской аристократии, к тому слою, в котором постоянно возникала питательная среда для вспышек дворянской фронды. Всего же в течение войны в высший командный состав армии пришло пополнение из 98 лиц, перешедших в строй из гражданской службы или отставников. Боевой генералитет значительно увеличил свои ряды примерно на 20–25%. В подавляющем большинстве это были российские дворяне (выходцы из великорусских губерний). Иностранцев, принятых в русскую армию в 1812 г., можно было пересчитать по пальцам (Ф.Ф. Винцингероде, К.А. Поццо ди Борго, Ф.К. Тетенборн). Многие из русских генералов были уже тесно связаны долговременными узами с гражданской сферой и попали на службу, вступив в ополчение. Являясь по сути носителями тенденций и мыслей, царивших в обществе, они привнесли в высшие армейские круги патриархально-консервативные настроения.

Император и система военного управления в 1812 г.

Разительные изменения произошли в системе управления полевыми войсками. В самом начале 1812 г. вышло «Учреждение для управления Большой действующей армии» (заменившее Устав 1716 г.) – важнейшее законоположение, в котором с учетом происходивших значительных перемен в военном деле по-новому регламентировались права и обязанности лиц, причастных к армейскому управлению. Была создана новая правовая база для взаимоотношений между военачальниками различных уровней. Этот законодательный акт, как показали последующие события, был прогрессивным для своего времени документом, хотя некоторые его положения оказались недоработанными (все возможные коллизии нельзя предусмотреть ни в одном уставе). Именно эти обстоятельства, связанные с правовыми прорехами и недоработками, создали юридическую базу и условия для столкновений среди генералитета.

Предпосылки к жесткому противостоянию среди генералов были четко обозначены уже в предвоенные годы. Они вытекали из борьбы мнений и личностей в высших эшелонах власти. Расклад сил перед 1812 г. был следующим. Верховным арбитром в неизбежных спорах на государственном Олимпе всегда выступал император как высшая и непререкаемая инстанция. Собственно, борьба велась за возможность влиять на принимаемые им решения, оспаривать которые никто был не вправе. Можно очертить узкий круг лиц, контактировавших с ним по военным вопросам. В иерархической довоенной структуре формально высший пост (председателя Военного департамента Государственного совета) занимал граф А.А. Аракчеев. Формально, ибо он по закону являлся основным докладчиком царю по всем военным вопросам. На самом деле подготовка к войне со второй половины 1810 г., минуя Аракчеева, велась через (номинально подотчетного ему) военного министра М.Б. Барклая де Толли. Александр I, предпочитая напрямую решать все вопросы непосредственно с Барклайем, фактически отстранил на этот период своего любимца от дел. Поэтому степень воздействия Аракчеева на армейскую жизнь в то время была ограничена, за исключением, пожалуй, артиллерии.

Следующим в военной иерархии по важности и степени влияния на армию считался брат царя – великий князь Константин. Ему подчинялась гвардия, он занимал пост инспектора кавалерии и курировал военно-учебные заведения. По совокупности должностей, да еще с учетом происхождения, он являлся едва ли не ровней этим двух высшим военным администраторам. Константин, как и Аракчеев, неприязненно относился к военному министру в немалой степени потому, что ведущая роль в подготовке армии к войне и в выработке стратегической линии принадлежала Барклаю.

Несколько в стороне от этих лиц (Барклай де Толли, Аракчеев и Константин) стоял руководитель высшего штабного органа армии (свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, имевшей отдельное управление и независимой от военного министерства) – генерал-адъютант князь П.М. Волконский. Он занимался реорганизацией своей службы. В тот период у него возникли временные охлаждения в отношениях с императором. В связи с этим он не мог играть заметной роли в общем раскладе сил, но считался непримиримым противником Аракчеева и, скорее всего, исходя из служебных интересов, находился ближе к Барклаю.

Из других лиц необходимо отметить генерал-адъютантов императора – узкий круг доверенных лиц, выбранных им для контроля за военной сферой и выполнения особых поручений. Все они имели право напрямую обращаться к монарху, да и без того часто контактировали с ним. Из этой когорты приближенных самым влиятельным на тот момент современники считали А.Д. Балашова, даже более влиятельным, чем Аракчеев. 1812 год был пиком его фавора, после чего звезда этого генерала начала закатываться. Поскольку Балашов являлся министром полиции, его воздействие на армейскую жизнь было минимальным, хотя он и играл ключевую роль в дворцовых интригах (например, в деле Сперанского). Самым же старшим в свите являлся Ф.П. Уваров, который в генеральские распри не вмешивался. Всего же перед началом военных действий в императорской свите числились 19 генерал-адъютантов и 5 генералов состояли при «особе Его Императорского Величества»¹.

Среди генералов, не имевших генерал-адъютантских эполет, следует особо выделить печально известного барона К. Фуля. Он преподавал Александру I основы стратегии и тактики и считался его советником по военно-теоретическим вопросам. Но этот стратег-схоласт из-за своей заносчивости, незнания русского языка, отсутствия даже минимальных связей при дворе и в высшем свете не мог рассматриваться в качестве влиятельной фигуры при решении важных военных вопросов. Ученый-педант, остававшийся в глазах большинства пруссаком в худшем смысле этого слова, лишь вызывал раздражение у русских военачальников и был объектом насмешек.

Важное место в военно-бюрократической пирамиде традиционно занимали иностранные родственники царя, также имевшие возможность непосредственно общаться с русским монархом. Значительные посты занимали герцоги А. Вюртембергский и Г. и П. Ольденбургские. Правда, имелись и опальные родственники, отношение к которым было, можно сказать, прохладным, – например, талантливый генерал Е. Вюртембергский, «вина» которого состояла только в том, что в свое время Павел I предполагал сделать его наследником русского престола.

Подобная кадровая расстановка вполне устраивала Александра I. Более того, он и являлся творцом системы гибкого равновесия. Баланс разнородных сил давал возможность самодержцу оставаться над схваткой и в нужный момент делать ставку на то или иное лицо, выдвигая поочередно тех или иных подданных. Кроме того, такая ситуация создавала условия для самоконтроля военной бюрократии. В отношении вооруженных сил Александр I в период всего царствования четко придерживался дуализма: он старался не отдавать все нити управления армией в руки одного человека. Ж. де Местр еще в 1808 г. писал о созданной Александром I управленческой системе, «по которой каждое из доверенных лиц действует лишь в ограниченной сфере. Он охотно и без отвращения использовал одновременно двух смертельных врагов, не давая им проглотить друг друга»². Исключение, с некоторыми оговорками, было сделано лишь на короткий отрезок времени для А.А. Аракчеева (1808–1810), когда последний занимал пост военного министра. Но на это у царя имелись особые причины.

Армия для Александра I – бесспорно, одного из выдающихся людей своего времени – всегда оставалась важнейшей и одновременно крайне опасной силой. Она являлась главной опорой трона, но при неумелом обращении с ней могла и свергнуть с престола неугодного монарха, как это не раз бывало в русской истории XVIII столетия. Неслучайно именно к 1812 г. относится создание Внутренней стражи – военных формирований, ориентированных на сохранение порядка и спокойствия внутри страны. Причем первоначально предполагалось, что эти войска останутся под крылом военного министерства, но император вывел их из юрисдикции Барклая и фактически подчинил себе, назначив возглавлять их своего генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского³.

В 1812 г. сложилась драматическая ситуация: развитие событий могло пойти по любому сценарию. Но именно армия в той или иной форме должна была сказать решающее слово. Император понимал это и задолго до начала военных действий подготовил несколько вариантов командно-штабных игр среди генералитета. Будучи едва ли не самым искушенным человеком в России в искусстве дворцовых интриг и мастером закулисных комбинаций, он заранее предвидел неизбежные столкновения среди генералов. Вынужденный в «годину бед» призвать под армейские знамена большое число профессионалов-отставников, многие из которых были тесно связаны с постоянно тлевшим недовольством аристократической фронды в недрах русского дворянства, Александр I шел на сознательный риск.

Среди вернувшихся на службу лиц было немало прощтрафившихся, отставленных по суду за различные злоупотребления и проступки. Многие из них император не только не жаловал, но и, отлично зная их человеческие пороки и низкие моральные качества, откровенно не любил⁴. Однако грозные обстоятельства заставляли его использовать воинские дарования и опыт людей, к которым он не испытывал личного уважения⁵. Вследствие этого царю было крайне важно контролировать положение дел и борьбу среди генералитета. В конечном счете от этого зависело поведение армии в возможных экстремальных ситуациях. Ведь не только генералы апеллировали к Александру I и искали к нему подходы: к этому времени монарх выработал

и многочисленные механизмы обратного воздействия. Самый эффективный из рычагов контроля – расстановка кадров на ключевые посты в армии. Ни одно сколько-нибудь важное назначение не проходило без его одобрения. Все стратегические решения, а часто и тактические (из-за мелочного характера, унаследованного от отца), принимались лишь с его согласия. Император во время войны, если он не находился на театре боевых действий, избирал узкий круг лиц из второго эшелона управления (как правило, из начальников армейских штабов) для письменных докладов о ситуации в войсках. Помимо этого информация о настроениях в высших офицерских кругах становилась известна монарху через беззастенчивую перлюстрацию личной переписки генералов. Причем постоянно трудившийся «черный кабинет» не делал никаких исключений. Наоборот, чем выше была должность генерала, тем больше оказывалась вероятность того, что содержимое его писем докладывалось Александру I. Перлюстрировалась переписка не только российских подданных: в 1812 г. к царю своевременно попадали все письма английского комиссара в русской армии генерала сэра Р. Вильсона. Позже благодаря этому обстоятельству уже переведенные и переписанные от руки писарями копии его писем были опубликованы Н. Дубровиным и стали бесценным историческим источником⁶.

Заранее заданный сценарий:

первая жертва во имя воплощения замысла

Даже по опыту предшествующих войн, коих было немало в царствование Александра I, редко какая кампания обходилась без личных стычек и мелочных обид на коллег среди военачальников. Ничего удивительного в этом не было – в любые времена и во всех странах генеральская среда всегда отличается повышенной профессиональной конкуренцией и столкновением честолюбий. Борьба в недрах генералитета в 1812 г. велась в нескольких плоскостях и в разных направлениях. Она затрагивала многие аспекты, а в зависимости от ситуации и актуальности возникающих проблем видоизменялась и принимала различные формы. На клубок профессиональных, возрастных, социальных и национальных противоречий накладывал заметный отпечаток груз личных претензий и неудовольствий генералов

друг другом. Служебные столкновения в военной среде в мирное время были обычным явлением. В стрессовый период боевых действий обстановка чрезмерно накалялась, что и приводило к формированию группировок недовольных генералов.

Предпосылки будущих генеральских столкновений обозначились еще перед войной, когда развернулась «битва мозгов» между двумя противоборствовавшими сторонами. В России, как и во Франции, в 1810–1812 гг. шла интенсивная подготовка к войне и в тиши кабинетов разрабатывались стратегия и тактика будущих кампаний. В этот процесс оказались втянутыми лишь часть русского высшего генералитета и штабная молодежь. В их число входили М.В. Барклай де Толли, П.И. Багратион, Л.Л. Беннигсен, П.М. Волконский, К.Ф. Толь, К. Фуль, Е.Ф. Канкрин, А. Вюртембергский, Л.И. Вольцоген, Ф.Ф. Довре, Г.М. Армфельдт, Ф.П. Уваров, Ф.В. Дризен, И.И. Дибич, П.В. Чичагов, а также много иностранцев. В адрес русского командования поступило до 40 планов достижения победы над «доселе непобедимым» Наполеоном⁷. Большинство составителей проектов, если не брать в расчет детали, исходили из необходимости отступления в первый период войны. Меньшинство (но среди них такие значимые фигуры, как П.И. Багратион и Л.Л. Беннигсен) предлагали наступательные действия на чужой территории. Таким образом, перед войной выкристаллизовались два подхода к проблеме и между этими двумя точками зрения развернулась борьба.

Комплекс предвоенных планов послужил фоном или, в лучшем случае, источником, из которого черпал идеи М.В. Барклай де Толли, на которого император возложил основное бремя обязанностей по подготовке к войне. Несмотря на некоторые колебания в выборе пути и средств (из-под пера Барклая выходили и проекты превентивных наступательных действий), было принято твердое решение об отступлении в начале войны и затягивании военных действий по времени. Необходимость отхода в глубь страны как главная стратегическая идея витала в воздухе. Кроме того, она подтверждалась данными разведки о численном превосходстве французских сил. Барклаю как военный министр, единственный из высших генералов имевший до-

ступ к секретным материалам (ему подчинялась Особенная канцелярия, орган русской разведки, через его руки проходили все разведанные и информация о состоянии русских войск), разработал, а затем с полного согласия Александра I осуществил отход русских войск. План принимался втайне, круг посвященных был ограничен, подавляющее же число военачальников не знали о его существовании. Но очевидная на бумаге и разработанная теоретически концепция необходимости отступления при реализации неизбежно должна была встретить неодобрение со стороны генералов-практиков, воспитанных на суворовских принципах наступательных войн второй половины XVIII столетия.

Александр I вел собственную игру и, будучи фактическим главнокомандующим в первый месяц войны, не считал нужным сообщать даже высшим генералам свои далеко идущие намерения. Он предпочитал отдавать приказы и раскрывать лишь детали будущего плана. Но, как искусный политик, он прекрасно предвидел возможную негативную реакцию на отступление со стороны генералитета и общества. Подтверждение тому, что царь предугадал будущее, мы находим в его письме к Барклаю от 24 ноября 1812 г. «Принятый нами план кампании, — писал император после свершившихся событий, — по моему мнению, единственный, который мог еще иметь успех против такого врага, как Наполеон ... неизбежно должен был, однако, встретить много порицаний и несоответственной оценки в народе, который ... должен был тревожиться военными операциями, имевшими целью привести неприятеля в глубь страны. Нужно было с самого начала ожидать осуждения, и я к этому подготовился...»⁸.

Как же подготовился русский монарх? Точнее, что он сделал, чтобы избежать осуждения действий своей царственной персоны? Александра I вряд ли можно обвинить в отсутствии ума или незнании людей. Как тонкий психолог, он не любил подставлять себя под удары общественного мнения, всегда подстраховываясь и оставаясь в тени, предпочитал выставлять на общий суд мнимых инициаторов. Опытный и поднаторевший в интригах политик, он предварительно выбрал на «заклание» генералитету ряд фигур. В начале кампании самым подходящим объектом для критики военных кругов стал К. Фуль в связи с его идеей укреп-

ленного лагеря в Дриссе. В литературе всерьез считается, что в первый период войны русская армия действовала по плану этого генерала, поскольку в то время он пользовался полным доверием императора и считался чуть ли не «военно-духовным отцом государя». Но внук Екатерины II, прошедший школу придворного лавирования между бабкой и отцом, один из образованнейших людей своего времени, в решающий момент для своего престола, на наш взгляд, менее всего мог доверить составление операционного плана генералу-схоласту, не имевшему боевого опыта. Русский царь — многоликий политик, искусный дипломат и интриган — не решился бы вверить столь важное дело и, следовательно, раскрыть всю секретную информацию кабинетному теоретику, даже не владевшему русским языком.

Здесь уместно привести свидетельство К. Клаузевица (прикомандированного в то время к автору «дрисской идеи») об «изолированном» положении Фуля в среде русского генералитета: «Он не знал языка, не знал людей, не знал учреждений страны, ни организации войск, у него не было определенной должности, не было никакого подобия авторитета, не было адъютанта, не было канцелярии; он не получал рапортов, донесений, не имел ни малейшей связи ни с Барклаем, ни с кем-либо из других генералов... Все, что ему было известно о численности и расположении войск, он узнал лишь от императора: он не располагал ни единым полным расписанием, ни какими-либо документами, постоянно справляться с которыми необходимо при подготовительных мероприятиях к походу»⁹. План Фуля, который, как известно, так и не получил официального одобрения, относился к числу проектов, задуманных императором и рассчитанных на обман общественного мнения. Фигура же Фуля была выбрана как самый подходящий и идеальный объект для критики со стороны военных кругов. Как тонко подметил проницательный Ж. де Местр, Фуль был «пруссак с головой, набитой древней тактикой и тщеславными преданиями; каменщика сего приняли здесь за архитектора»¹⁰. Налицо же имелся требуемый результат — в Главной квартире почти не нашлось генерала, не бросившего камень в «Фулев» огород. Возможно, у царя, помимо Фуля, имелись и другие кандидатуры на заклание в угоду праведному гневу общества и генералитета. Например, Ф.О. Палуччи,

которого штабные генералы буквально «съели» в течение нескольких дней, и он просто не успел стать «козлом отпущения». Таким образом, Александр I умело, как через громоотвод, отвел первые удары молний от истинных творцов отступательной стратегии, т. е. от себя и от Барклая. Но только на короткий промежуток времени.

Главный «виновник» всех бед и «русская» партия

Вскоре Александр I покинул армию и, дав поручение Барклаю далее продолжать отход, оставил главнокомандующего 1-й Западной армии один на один с генералитетом. Военный министр стал вторым объектом для критики, еще более сильной, чем в отношении Фуля. Именно дальнейшее претворение в жизнь отступательной стратегии в практике боевых действий после соединения двух армий (Барклая и Багратиона) послужило мощным толчком для возникновения в армейских рядах настоящей военной оппозиции. Как блестяще доказал в своей монографии «Неразгаданный Барклай» А.Г. Тартаковский (едва ли не первый, кто так полно описал борьбу генеральских группировок в июле–августе 1812 г.), взрыв антибарклаевских настроений пришелся на период боев под Смоленском¹¹. Если развенчание дрисской затей Фуля происходило в узком военно-придворном и штабном кругу под присмотром императора, то в акции против военного министра оказались втянутыми и широкие слои офицерского корпуса. Причем этот процесс явно вышел за рамки простой критики и уже не поддавался контролю со стороны российского монарха из-за его отдаленного пребывания. Первопричиной конфликта в армейских верхах стал профессиональный аспект, но, помимо него, следует указать и на комплекс застарелых проблем, наложившихся на создавшуюся ситуацию.

Фигура Барклая с начала его резкого карьерного взлета в 1809–1810 гг. вызывала большое раздражение среди высшего генералитета, особенно у представителей российской аристократии. Он воспринимался как выскочка, не имевший хорошей дворянской родословной. Хотя Барклай в третьем поколении являлся русским подданным, в обществе его воспринимали как иноземца, прибалтийского немца (лифляндца), или, по выражению Багратиона, «чу-

хонца». Это обстоятельство дало возможность противникам военного министра строить и вести яркую критику, активно используя тезис о «засилье иностранцев». В этот период национальный аспект в генеральских спорах внешне вышел на передний план. Во многом он был обусловлен итоговым раскладом национальных сил в генералитете – только 60 % генералов были русскими, а с единоверцами эта цифра увеличивалась до 66,5 %. Каждый же третий генерал (33 %) носил иностранную фамилию и исповедовал иную религию¹². Отметим еще одну любопытную деталь: по суммарным сведениям о русском офицерском корпусе 1812 г., обобщенным Д.Г. Целорунго, носители иностранных фамилий не превышали 9–11,1 %¹³. Национальная ситуация на армейском «олимпе» не соответствовала аналогичной раскладке в низах.

Засилье иноземных элементов в генеральской среде неизбежно должно было вызвать внутреннюю реакцию, что и произошло. Патриотический подъем и недовольство иностранцами в высших эшелонах армии и в военном окружении царя породили на начальном этапе войны в офицерской среде неформальную группировку, которую можно назвать «русской» партией¹⁴. В целом она выражала взгляды офицерской молодежи и генералов с русскими фамилиями. Эта группировка представляла мнение новой генерации российского дворянства, ориентированной на службу. Она не имела четко выраженной идеологии и руководствовалась национальными и узкопрофессиональными интересами. Обилие иноземцев в штабах и на командных должностях вызывало вполне понятные опасения с их стороны как за судьбу державы, так и за собственную карьеру. В драматических условиях отступления в среде высшего офицерского корпуса сложилось мнение, что за них уже все решили лица с нерусскими фамилиями. Принятая стратегия казалась им пагубной и грозила трагедией для армии и страны.

Сама по себе чрезвычайная, даже трагическая ситуация сплачивала генералитет. В разгар смоленских событий генерал А.П. Ермолов в письме к Багратиону ясно выразил общее умонастроение: «Настоящие обстоятельства и состояние России выходят из порядка обыкновенного, налагают на нас обязанность и отношение необыкновенные... стрем-

ление всех должно быть к пользе общей, это одно может спасти погибающее Отечество наше!»¹⁵. В подобном положении многие считали невозможным оставаться безучастными «к пользе общей». Тезис «нам без немцев нет спасенья» большинство категорически отвергало, и на этом сошлись интересы многих русских генералов. В этом неформальном объединении связующими звеньями являлись родственные и дружеские отношения. Российское дворянство тогда представляло собой класс родственников, что способствовало национально-корпоративной консолидации и выработке единого отношения к происходившим событиям, в частности, к главному тогдашнему символу «зла» в русской армии – М.Б. Барклаю де Толли. Стоит лишь добавить, что «немецкая» партия в тот период так и не сложилась.

Знаменем военной оппозиции в противовес Барклаю стал главнокомандующий 2-й Западной армии князь П.И. Багратион. Его поддерживала часть старых генералов, имевших служебные претензии к Барклаю, но наиболее активно за него ратовала молодежь. Она расценивала отход войск в глубь страны как национальный позор и предательство. Кроме того, отступление без боев не давало возможности отличиться в сражениях, что, безусловно, было немаловажным фактором для любого офицера. Закулисным вдохновителем «русской» партии являлся прямой подчиненный Барклая начальник Главного штаба 1-й Западной армии молодой, энергичный и популярный в офицерской среде генерал А.П. Ермолов, державший нити многих интриг в своих руках.

Вероятнее всего, большинство офицерского корпуса никаким образом не участвовали в этой борьбе, составляя своеобразный резерв скрытой оппозиционности Барклаю, поскольку бесспорно общие симпатии были на стороне Багратиона. В то же время нельзя утверждать, что «русская» партия объединяла только антибарклаевские элементы в армейской среде. Ведь и у главнокомандующего 2-й Западной армией, как и у военного министра, тоже имелись противники. Например, вряд ли можно причислить к возникшей в Смоленске оппозиции (по утверждению некоторых авторов) командира 3-го пехотного корпуса генерала Н.А. Тучкова (следовательно, и двух его братьев). Он дей-

ствительно не жаловал Барклая, но в то же время находился в неприязненных отношениях и с Багратионом. Вот как в более поздний период описывал их взаимоотношения М.В. Воронцов: «Эти два человека в молодости были друзьями по оружию, затем – соперниками и, наконец, врагами; они сухо приветствовали друг друга накануне сражения (Бородинского. – В. Б.), а затем увиделись вновь в этом месте, чтобы скоро опять встретиться в мире ином»¹⁶. В литературе не раз упоминался конфликт Барклая с великим князем Константином, в результате которого цесаревича дважды высылали из армии (вероятно, по заранее полученному согласию императора). Но фигура брата царя, солдафонство которого было, по словам Ж. де Местра, «сущее бедствие для армии», неоднозначно воспринималась многими горячими сторонниками Багратиона, тем более что цесаревича не без основания подозревали в принадлежности к партии «мира»¹⁷. Другой факт: молодой генерал А.И. Кутайсов, не связанный никакими «партийными» пристрастиями, был делегирован к Барклаю группой генералов, чтобы переубедить того не отдавать Смоленск противнику¹⁸. Но в этой акции вряд ли можно заметить влияние «русской» партии.

Генеральский заговор или легитимная военная оппозиция?

В свое время А.Г. Тартаковский квалифицировал создавшуюся ситуацию как генеральский заговор против Барклая¹⁹. Да, безусловно, многие демарши военной оппозиции против главнокомандующего 1-й Западной армии проводились втайне, хотя борьба с высшим начальством вообще не характерна для военной среды. Но, на наш взгляд, деятельность «русской» партии в целом не выходила за рамки существовавшего законодательства и во многом была продиктована именно несовершенством военно-юридических норм.

Обычно исследователи так или иначе интерпретируют спор о старшинстве Барклая и Багратиона, приводя иногда самые неожиданные аргументы. Необходимо четко обозначить, что Багратион был старше Барклая в чине. В списке по старшинству он стоял впереди, следовательно, мог требовать подчинения себе младшего в чине в тех слу-

чаях, когда не имелось высочайшего приказа о назначении единого главнокомандующего. Он же добровольно подчинился Барклаю. Во-первых, 1-я армия по численности в два раза превосходила 2-ю армию; во-вторых, Барклай как главный разработчик плана отступления (а не только как военный министр) пользовался большим доверием императора, нежели Багратион. Юридически это подчинение никак не было зафиксировано. На это была лишь добрая воля Багратиона, который в любой момент мог отказаться выполнять приказы Барклая, и по закону никаких претензий ему не могло быть предъявлено. Юридический парадокс заключался в том, что в отличие от всех предыдущих военных регламентов, предусматривавших подчинение исходя из принципа старшинства, Учреждение для управления Большой действующей армией 1812 г. наделяло обоих главнокомандующих абсолютно равными правами. Каждый из них нес ответственность только перед императором. Об этом неоднократно упоминал Багратион в своей переписке: «Я хотя старше министра и по настоящей службе и должен командовать, о сем просила и вся армия, но на сие нет воли Государя, и я не могу без особенного повеления на то приступить»²⁰.

С учетом этого обстоятельства бездоказательным является мнение некоторых историков, что Барклай возглавил войска, поскольку являлся военным министром²¹. В данном случае налицо попытка модернизации прошлого по аналогии с современностью. В те времена министр являлся всего лишь администратором с хозяйственными и инспекторскими функциями без права отдавать приказы главнокомандующим и вмешиваться в дела полевого управления войсками. Так, в начале войны главнокомандующий Дунайской армией П.В. Чичагов напрямую писал царю, что отказывается выполнять распоряжения из военного ведомства без подтверждения императора, и просил «предупредить военного министра, чтобы он не посылал приказаний от своего имени, – я их не приму». Еще ранее, в 1808–1809 гг., главнокомандующий русскими войсками в войне со шведами граф Ф.Ф. Буксгевден направил резкое послание тогдашнему военному министру А.А. Аракчееву, пытавшемуся вмешиваться в его управление армией. Буксгевден доказывал незаконность «вторжений в область ведом-

ства главнокомандующего» и блестяще «представил разницу между главнокомандующим армией, которому государь поручает судьбу государства, и ничтожным царедворцем, хотя бы он и назывался военным министром». Позже текст письма получил рукописное распространение в общественных кругах. Сам Барклай никогда не позволял себе отдавать приказы другим главнокомандующим. Даже в разгар военных событий, «видя необходимость действовать согласованно», как он писал в письме к царю от 26 июля, «мог выразить генералу Торماسову токмо частным письмом мое желание, чтобы он поддался, насколько возможно, вперед»²².

В силу сложившихся обстоятельств «русская» партия приложила максимум усилий, чтобы донести свой голос до единственного человека, от которого полностью зависела ситуация, – до Александра I. С этой целью императору писали письма все, кто имел такое право (Багратион, Ермолов), воздействовали через отправлявшихся в Петербург генерал-адъютантов (П.В. Голенищева-Кутузова, П.А. Шувалова). Особенно настойчиво обращавшиеся выражали свое негодование в переписке с видными сановниками – Аракчеевым (зная, что содержание станет известно царю) и Ростопчиным (тот мог в собственной интерпретации пересказать суть дела в письмах к монарху, но самое главное – он мог влиять на общественное мнение Москвы). Багратион прямо писал об этом Ростопчину: «Прошу вас меня защитить перед публикой, ибо я не предатель, а служу так, как лучше не могу. Я не имел намерения вести неприятеля в столицу и даже в границы наши, но не моя вина»²³.

«Русская» партия в целом боролась легитимными методами. Она отнюдь не скрывала своих целей, действовала под влиянием и в рамках негласного поворота внутриполитического курса. Можно назвать лишь одно исключение, которое могло иметь негативные последствия для сторонников Багратиона. Военная оппозиция попыталась оказать прямое давление на Александра I не только с целью назначить подходящего для генералов главнокомандующего, но и удалить от дел некоторых лиц в правительственной сфере. Находившийся в Смоленске проездом в Петербург генерал Р. Вильсон, имея в армейской среде еще с 1807 г. много друзей, увез, по его словам, «горячие мольбы всей армии от-

крыть императору правду». Англичанин имел с ним в столице продолжительную беседу, касавшуюся, как он выразился в своем дневнике, «деликатных предметов». Не называя конкретных фамилий генералов, Вильсон сформулировал их желание, чтобы российский самодержец лишил «доверенности ненадежных советников». Речь шла об увольнении от должности министра иностранных дел графа Н.П. Румянцева-Задунайского, ответственного в глазах общества за довоенную профранцузскую политику. Генералы опасались, что партия «мира» в Петербурге (вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Константин, А.А. Аракчеев) пойдет на заключение мирного соглашения с Наполеоном. Об этом писал Багратион Ростопчину 14 августа: «Слух носится, что канцлера потребовали в Петербург и что думают наши, как бы помириться. Чего доброго от Румянцева и Аракчеева все стать может. Боже сохрани! Тогда надо всякому офицеру снять мундир».

Уязвленный Александр I (военные пытались вмешаться в далекую от них гражданскую сферу) все-таки не пошел на поводу у оппозиционного генералитета. Уж очень подозрительно эти требования совпадали с британскими интересами. Император вынужден был попросить отправлявшегося в армию Вильсона довести до его анонимных друзей бескомпромиссную оппозицию, что ни при каких условиях «он никогда не войдет в какие-либо переговоры с Наполеоном до тех пор, пока хоть один вооруженный француз будет оставаться в русских пределах». В то же время он уполномочил английского генерала «использовать все свое влияние ради защиты императорских интересов во всех обнаруженных им случаях или замыслов нарушений оных»²⁴. Заморский гость впоследствии не преминул воспользоваться заманчивым правом выступить в роли защитника интересов не только Британской, а по совместительству и Российской империи.

«Избрание, сверх воинских дарований»

Еще до сдачи Смоленска в Петербурге были вынуждены решать наболевший для армий вопрос о назначении единого главнокомандующего. В конечном счете все замыкалось на императоре. В этот период борьба мнений в генеральской среде по поводу способа действий окончательно

переросла в столкновения личностей и группировок. Состоявшийся 5 августа Чрезвычайный комитет по избранию состоял из шести высших сановников империи, двое из которых являлись сугубо штатскими лицами, остальные четверо не имели боевого опыта, а лишь подходили под категорию военных администраторов. Это доказывается тем, что один из важнейших вопросов предполагалось решать политическим способом. Комитет сначала заслушал полученные из армии донесения и частные письма (от императора их представил А.А. Аракчеев), а затем рассмотрел список претендентов на высший пост. Из шести предложенных кандидатов на этот пост в списке (Л.Л. Беннигсен, П.И. Багратион, Д.С. Дохтуров, А.П. Тормасов, М.И. Голенищев-Кутузов, П.А. Пален) двое (Пален и Беннигсен) по этнической принадлежности считались «немцами», но это обстоятельство никого не смущало. Окончательный выбор в пользу М.И. Кутузова был предопределен несколькими факторами. Во-первых, учитывалось общественное настроение, во-вторых, предварительное негласное утверждение Кутузова на этот пост самим императором.

Хорошо известно, что Александр I по многим причинам не был благосклонен к старому полководцу. Но не оставляет сомнения, что он не только дал согласие на это назначение, будучи вынужденным считаться с общественным мнением, которое выражало дворянство (как бытует в литературе), но и заранее (с середины июля) искусно подготавливал его для занятия такой важной должности. Этот выбор был предопределен предшествовавшими шагами царя: 15 июля – рескрипт Кутузову об организации корпуса для обороны Петербурга, помимо этого 15 и 17 июля – решения дворянских собраний об избрании Кутузова начальником Московского и Петербургского ополчений, 29 июля – указ императора о возведении его в княжеское достоинство с титулом светлости, 31 июля – рескрипт о подчинении ему всех военных сил в Петербурге, Кронштадте и в Финляндии, 2 августа – указ о его назначении членом Государственного совета. Эта череда назначений и почестей свидетельствует о том, что Александр I предвидел возможность высокого положения Кутузова в будущем, ибо другие кандидаты на этот пост устраивали его еще меньше по самым разным причинам.

Кутузов в глазах императора и общества обладал двумя качествами, возмещавшими все его недостатки: он был русским и, что самое главное, являлся одним из старейших боевых генералов. В «Списке генералитету по старшинству» на 24 июня 1812 г. Кутузов значился восьмым. Но все семь старших генералов из-за преклонных лет, болезней или отсутствия боевого опыта не могли быть ему конкурентами. Укажем нумерацию старшинства остальных претендентов: А.П. Тормасов – 14-й, Л.Л. Беннигсен – 17-й, П.И. Багратион – 23-й, М.Б. Барклай де Толли – 24-й, Д.С. Дохтуров – 28-й, а уволенный со службы П.А. Пален вовсе не числился. Неслучайно комитет аргументировал в первую очередь «избрание, сверх воинских дарований», Кутузова, основываясь «и на самом старшинстве»²⁵.

О том, что этот принцип во взаимоотношениях генералов играл огромную роль, сохранилось немало свидетельств. Так, 9 августа 1812 г. генерала от инфантерии И.С. Свечина не утвердили в должности начальника Новгородского ополчения. Причина отказа оказалась прозаической, ибо прямым начальником был уже «назначен генерал, младший его старшинством». Приведем другой пример. После ранения Багратиона в Бородинской битве на должность главнокомандующего 2-й Западной армии назначили Дохтурова, но на следующий день он был заменен М.А. Милорадовичем. Вот как сам Дохтуров описывал это событие в письме к жене: «...Во время последнего сражения командовал 2-ю армиею на место князя Багратиона, как он был ранен, после же сражения, когда Кутузов узнал, что я моложе Милорадовича, то очень передо мною извинялся, что должен армию, как старшему, препоручить ему. Я не был сим нимало оскорблен, ибо по старшинству сие следует, между тем я командовал сею армиею во время страшного сего сражения и уверен, что дело свое сделал хорошо и заслужил уважение целой армии». Как считал адъютант Кутузова А.И. Михайловский-Данилевский, «кто не служил в армии, тот не может постигнуть, сколь прискорбно находиться в команде младшего, редкие могут сие постигнуть». А такое случалось в боевой практике 1812 г., вследствие чего происходили скандалы в военной среде. Можно припомнить имевший громкий резонанс инцидент с казачьим генерал-майором И.К. Красновым, которого во вре-

мя боев под Смоленском подчинили младшему в чине генерал-майору И.Г. Шевичу. Получивший от своего подчиненного рапорт, возмущенный атаман М.И. Платов сделал Ермолову запрос, составленный фактически в виде жалобы: «Обида, господином Красновым описываемая ... не только для него, но и для меня и даже всего войска очень чувствительна... Прошу Вас приказать в подобных случаях по военному списку выправляться о старшинстве господ генералов во избежание обиды, от подчинения старшего младшему чувствуемой»²⁶.

Среди генералитета господствовал устойчивый стереотип, что старшинство в чине выше старшинства в должности, по крайней мере чин должен был соответствовать должности. Но на практике это не всегда выдерживалось. Например, если младший в чине генерал получал в командование корпус, а старший оставался дивизионным командиром (а такие случаи были нередкими и в 1812 г.), то это воспринималось как нарушение субординации и устоявшихся негласных норм.

Новый главнокомандующий помимо того, что он был самым старым из всех дееспособных полных генералов империи, единственный имел титул светлейшего князя, что усиливало его старшинство. Этот фактор, а также концентрация почти неограниченной власти в одних руках внешне утихомирили генеральские страсти, хотя и не уменьшили числа недовольных. «Русская» партия не добила поставленных целей, но у нее выбили главный козырь. Во главе армий был поставлен полководец с русской фамилией, имевший, как ученик и продолжатель дела знаменитого Суворова, популярность в армии и одновременно пользовавшийся поддержкой консервативных кругов дворянского общества. Кроме того, пропала даже видимая легитимная возможность вести какую-то борьбу. Субординация и дисциплина препятствовали этому, оставалось лишь выражать недовольство в частных разговорах.

С прибытием Кутузова к войскам кардинально изменился и расклад сил в армейских верхах. По свидетельству Ж. де Местра, новый главнокомандующий перед отъездом из Петербурга изъявлял желание определить на место начальника штаба маркиза Пауллуччи и даже договорился с ним об этом. Но в последний момент все же предпочел вы-

полнить рекомендацию Чрезвычайного комитета об «употреблении» Л.Л. Беннигсена («по собственному усмотрению») и отдал эту ключевую должность данному генералу, до того лишь состоявшему при императоре без определенных обязанностей. Рескрипт о назначении Беннигсена был подписан 8 августа Александром I. Кутузов же встретил его по дороге в армию в Торжке и уговорил занять это место. Беннигсен следующим образом описал свою реакцию и возникшие сомнения: «Честолюбие и особое самолюбие, которое не может и не должно никогда покидать военного человека, внушало мне нежелание служить под начальством другого генерала после того, как я был уже главнокомандующим армиею, действовавшею против Наполеона...». Кутузов же сослался на «желание Государя». Скорее всего, эта идея принадлежала самому императору, он не жаловал обоих военачальников, не доверял каждому из них, но, учитывая их личные качества, предпочитал держать вместе для взаимоконтроля. Нахождение под одной крышей этих маститых генералов, претендовавших на лавры полководцев и придерживавшихся совершенно противоположных методов ведения войны, очень скоро, как показали дальнейшие события, превратили их из друзей с 40-летним стажем в непримиримых конкурентов и противников. Именно их взаимоотношения определили развертывание последующей борьбы в генеральской среде. В целом при оценке сложившейся ситуации оказался прав хорошо знавший и не любивший Кутузова Багратион: «Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабы и интриги»²⁷.

Хотя Беннигсен и считался начальником штаба, Кутузов с самого начала попытался ограничить его влияние через своих доверенных лиц. Первоначально он использовал своего зятя – князя Н.Д. Кудашева, назначенного дежурным генералом, и близкого к Кутузову полковника П.С. Кайсарова. Влияние на светлейшего этих молодых полковников на первых порах вызывало явное неудовольствие со стороны генералитета. Вскоре они были заменены на первые роли вышли П.П. Коновницын и К.Ф. Толь, действия которых оказались более профессиональными и эффективными. Они сумели за короткий срок замкнуть на себе все реальные нити управления армейской жизнью и оттеснить Беннигсена. Появилось и другое обстоятельство –

важнейшую и ключевую должность в войсках стал занимать приведший пополнение перед Бородинским сражением М.А. Милорадович, один из старейших полных генералов. К Кутузову он относился лояльно, хотя позволял критические высказывания в его адрес, но вряд ли разделял взгляды «русской» партии. К тому же у него имелся солидный список личных претензий к Багратиону, что наглядно проявилось при поступлении 2-й Западной армии под его начало. Вот как вспоминал С.И. Маевский этот момент: «Милорадович встретил штаб его длинною и несвязною речью, делал колкости памяти покойного Багратиона...». Позже главнокомандующий 3-й Обсервационной армией А.П. Торماسов после соединения с частями адмирала П.В. Чичагова был переведен в Главную квартиру, первоначально на место Багратиона, а затем он принял командование войсками Соединенной армией, исключая авангард и отдельные отряды. За короткий срок пребывания при Кутузове Тормасов фактически не успел себя проявить и не участвовал в генеральских интригах»²⁸.

Первое крупное столкновение генеральских амбиций на профессиональной почве состоялось при Кутузове во время исторического военного совета в Филях, решавшего судьбу Москвы. Причем национальный аспект, столь зримый еще совсем недавно, вообще не имел места, хотя именно «немцы» играли все первые роли. Парадоксальный факт: позицию на Воробьевых горах выбрал и предложил К.Ф. Толь, а главными оппонентами по уже неоднократно поднимавшемуся вопросу «сражаться или отступить?» стали Барклай и Беннигсен. Генералы с русскими фамилиями как будто забыли об их этнической принадлежности и в весьма драматической ситуации вынуждены были присоединиться к одной из точек зрения, высказанной «немцами». Лишившись Багратиона в Бородинской битве, «русская» партия уже не могла выступать консолидированно. Ее представителям не удалось даже сформулировать свое понимание ситуации. В большинстве своем они (допущенные на совет) поддержали мнение Беннигсена о необходимости нового генерального сражения во имя спасения первопрестольной. Но сама личность Беннигсена вызывала у многих генералов раздражение, и это обстоятельство (кроме здравого смысла) не позволило объеди-

ниться и выступить организованно против отступательной идеи Барклая.

Кутузов, как мудрый политик, инициировавший обмен генеральских мнений, занял самую удобную в тех обстоятельствах позицию. Он встал над схваткой и выступил в роли судьи с заключительным вердиктом о неизбежном оставлении Москвы. Многие генералы – участники совета – впоследствии сильно переживали из-за «уступления» Москвы, сетовали, оправдывались или находились в подавленном состоянии. Гостивший у П.П. Коновницына в начале 1813 г. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Редкий день проходил без того, чтобы он не упоминал мне о сем обстоятельстве, присовокупляя каждый раз: “Я не подавал голоса к сдаче Москвы и в военном совете предложил идти на неприятеля”». Дохтуров по горячим следам в письме к жене от 3 сентября писал: «...Я в отчаянии, что оставляю Москву. Какой ужас!.. Какой стыд для русских покинуть отчизну без малейшего ружейного выстрела и без боя. Я взбешен, но что же делать?.. После всего этого ничто не заставит меня служить»²⁹.

Интриги в Тарутинском лагере

Генеральские страсти вновь разыгрались после оставления Москвы в период нахождения армии в Тарутинском лагере. А.С. Пушкин как-то обронил странную на первый взгляд фразу о том, что Кутузов оставался в «мудром деятельном бездействии в Тарутине». В самом деле, русская армия получила необходимую передышку, но главнокомандующий и его военачальники продолжали активно действовать, правда, не на поле брани. Основным местом «действия» стали армейские штабы, где бушевали нешуточные страсти, разыгрывались различные закулисные комбинации, а причина таилась в оскорбленном честолюбии и непомерных амбициях генералов. «Я в Главную квартиру почти не езжу, – писал 7 октября Н.Н. Раевский А.Н. Самойлову, – она всегда отдалена. А более для того, что там интриги партий, зависть, злоба, а еще более во всей армии эгоизм, несмотря на обстоятельства России, о коей никто не заботится»³⁰.

Высший генералитет и штабная молодежь за глаза критиковали нового главнокомандующего. По словам

Ф.В. Ростопчина, после оставления Москвы его называли то «предатель», то «темнейший», а многие офицеры громко заявляли, «что стыдно носить мундир»³¹. Среди тех генералов, кто неодобрительно и негативно отзывался о Кутузове, были многие известные лица и герои 1812 г.: Багратион, Барклай де Толли, Беннигсен, Ермолов, Платов, Раевский, Дохтуров и другие. Помимо личных и старых служебных обид генералы ставили ему в вину чисто профессиональные упущения: неудачу Бородинского сражения, оставление Москвы без боя, разлад армейской системы управления, пассивность и бездеятельность в ведении военных действий. В доносах, поступавших из Тарутина в Петербург, фигурировало и обвинение, что главнокомандующий спит по 18 часов в сутки. Весьма любопытно реагировал на это заявление генерал Б.Ф. Кнорринг: «Слава Богу, что он спит, каждый день его бездействия стоит победы». Не менее оригинально и живо тот же генерал отреагировал на другое обвинение («возит с собою переодетую в казацкое платье любовницу»): «Румянцев возил их по четыре. Это не наше дело»³².

Следует отметить, что в военных кругах новый главнокомандующий за оставление Москвы и дезорганизацию войскового управления подвергался яростным нападкам не менее жестким, чем в свое время под Смоленском Барклай. Письма к нему от императора, наполненные в этот период упреками и выговорами, дают полное основание считать, что Александр I в сложившейся критической ситуации был не просто недоволен Кутузовым, но и готовился при появлении веских оснований отстранить его от командования (на этот пост обсуждалась кандидатура П.А. Зубова). И такая ситуация во многом связывала Кутузову руки: он не мог в одночасье расправиться со своими хулителями. В то время при армии находились имевшие большой вес в общественном мнении и носившие тяжелые генеральские эполеты Беннигсен, Барклай де Толли, Ростопчин и Вильсон – главные и гласные (как имевшие право писать царю) критики главнокомандующего.

Но в армии не было единой и хорошо организованной антикутузовской «партии», так как каждый из названных лиц имел свои резоны и преследовал собственные цели. Кроме того, большинство относились к возможным

коллегам по оппозиции не менее негативно, чем к верховному вождю русских армий. Иначе говоря, какая-либо база для возникновения сплоченной коалиции полностью отсутствовала. В этих условиях Кутузов получал неоспоримые преимущества для борьбы с генеральской фрондой. Будучи человеком хитрым, обладая огромным терпением и богатым опытом придворных и дипломатических интриг, он никогда не торопился, всегда соблюдал внешний политес и прилюдно оказывал знаки внимания и уважения генералам-конкурентам, но в то же время дожидался удобного момента, чтобы удалить или нейтрализовать соперника. Труднее приходилось с теми, кто находился вне его компетенции. Критика действий «светлейшего» раздавалась не только из стана русских воинов, но и от английского генерала Вильсона, а также от московского главнокомандующего Ростопчина, неподвластных высшему командованию.

С потенциальными конкурентами (критиками, которые могли «подсидеть») Кутузов, проявив терпение и незаурядные способности в закулисной борьбе, разобрался в течение 1812 г. Не любивший нового главнокомандующего Багратион выбыл из строя после Бородино; затем, можно сказать добровольно, сошел с дистанции оскорбленный Барклай де Толли; отдалился волею судьбы от эпицентра событий Ростопчин. Фактически перестали существовать и штабы 1-й и 2-й армий – центры интриг и борьбы генеральского честолюбия. Раздражающим фактором долгое время оставался лишь Л.Л. Беннигсен, единственный из высшего командного состава, кто обжаловал поведение главнокомандующего в письмах к императору. Но после допущенных Беннигсеном тактических промахов во внутригенеральских разборках царь дал Кутузову карт-бланш на решение его участи, и главнокомандующий эффектно выслал из армии своего главного конкурента, причем смог отомстить Беннигсену с «изысканной жестокостью». Не случайно Н.Н. Раевский еще в 1810 г. писал: «С Кутузовым же и никому служить небезопасно, хотя, по моему мнению, он более других имеет способов командовать»³³. Но в разыгравшемся противодействии «Кутузов–Беннигсен» нельзя найти национальной подоплеки. Несмотря на то что у Беннигсена в армии имелось много личных недоброжелателей,

вокруг него постоянно группировалась часть военной элиты с русскими фамилиями.

В рядах кутузовской оппозиции имелись и фигуры второго ряда. Среди них следует особо выделить Ермолова. Активный участник «русской» партии в тарутинский период несколько присмирел, поскольку оказался отодвинутым с первого плана и был фактически поднят штабным окружением Кутузова. В письме к А.А. Закревскому в начале октября он писал в своей обычной ироничной манере: «Я не бываю в Главной квартире, не хожу к князю, не бывши зван, но сколько редко бываю, успел заметить, что Коновницын – великая баба в его должности. Бестолочь, страшная во всех частях, а канцелярия разделена на 555 частей или отделений, департаментов и прочее». Более того, начальник штаба 1-й армии явно сожалел об убытии своего бывшего начальника Барклая: «Правда, что мы заместили Михаила Богдановича лучшим генералом, то есть богом, ибо кажется, один уже он мешается в дела наши, а прочие ни о чем не заботятся»³⁴. Сам же главнокомандующий относился к Ермолову крайне настороженно и старался действовать осмотрительно, и не только оттого, что знал его независимый характер. Ермолов продолжал поддерживать свои, впрочем непростые, отношения с великим князем Константином и А.А. Аракчеевым; он мог в любой момент по своей должности напрямую написать письмо Александру I. Поэтому Кутузов старался «лишний раз не дразнить гусей» и даже закрывал глаза на вполне очевидные упущения и небрежное исполнение обязанностей со стороны Ермолова. Например, 4 октября была отменена запланированная атака всей русской армии на авангард Мюрата из-за того, что он до поздней ночи участвовал в одной генеральской попойке и не успел вовремя разослать диспозицию. Кутузов этот проступок оставил без последствий для начальника штаба 1-й армии и предпочел найти другого «стрелочника», чином куда ниже³⁵.

Легендарный «вихорь»-атаман и его «брат Вильсон»

В Тарутинском лагере случались и другие мелкие интриги и демарши генеральского неудовольствия. Как вспоминал А.И. Михайловский-Данилевский, «в это время три предмета возбуждали всеобщее негодование: мародерство,

поведение московского дворянства и поступки атамана Платова». Адъютант М.И. Кутузова оценивал происшедшее глазами своего шефа и считал, что атаман «всех восставил против себя и против казаков». Весьма интересно и другое откровение этого маститого историографа и мемуариста: «Платова и Баркляя де Толли почитали в армии тогда главными виновниками бедствий России. Последствия доказали, сколь подозрения на второго из них были несправедливы...»³⁶. Из этого высказывания следует, что как раз подозрения в отношении первого были весьма справедливы. Резкая оценка была обусловлена в первую очередь антикутузовской позицией Платова в тот период. Донской атаман также причислялся к оппозиции, правда, не к ее главным действующим лицам, а всего лишь ко второму ряду. Его разногласия с Кутузовым не носили принципиального характера, а диктовались личностным фактором – неприязнью и мщением за прошлое со стороны самого высшего начальника. Предводитель казачьих полков оказался одним из немногих высших генералов, не награжденных за Бородино, затем был отрешен от командования арьергардом, а в Тарутинском лагере находился без всякой должности. Скорее всего, Платова, оставаясь он в бездействии, ждала судьба Беннигсена. Об этом свидетельствовали не только нападки со стороны окружения Кутузова, но и циркулировавшие вдали от армии слухи, а в России они чаще всего являлись отзвуками истинного положения дел. Атаман предпринял в этот период ряд эффектных акций, включая массовое «заболевание» командиров казачьих полков – рапорты о болезни являлись тогда самой удобной формой демонстрации недовольства подчиненных действиями высшего начальства.

Но окончательно выправил ситуацию старый друг атамана Вильсон. Он как раз прибыл в Тарутино, взял Платова под свою защиту и, собственно, выступил посредником в налаживании отношений между Кутузовым и «вихорь-атаманом». «Брат Вильсон» (платовское выражение) застал своего боевого товарища «безо всякой команды и удаленным от тех, кои почитают его равно как отца, так и начальника», пребывавшим «чуть ли не на пороге смерти от огорчения и обиды»³⁷. Английский генерал стоял «на одних квартирах» с Платовым, часто у него обедал. Атаман по-

дарил ему скакуна, снабжал вином и провизией с Дона. Новые акции против Платова неизбежно имели бы уже международный оттенок. В этом случае нетрудно было предугадать негативную реакцию Александра I, и Кутузов это отлично понимал. Казачий предводитель оказался под английской защитой и стал недосыгаемым для новых уколов. Конечно, фигура донского атамана не устраивала главнокомандующего, но в этой ситуации требовалось забыть давние недовольства и ради общего блага попробовать договориться с ним или хотя бы заключить временное перемирие.

Это обстоятельство позволило Вильсону как посреднику между конфликтующими сторонами быстро найти общий язык. Британский представитель оказался искренне заинтересованным в прекращении затянувшегося конфликта. Можно, конечно, говорить, что его стремление к примирению диктовалось корыстными заботами о стране, которую он представлял. Но любые неурядицы в среде русского генералитета в тот момент не шли на пользу Британской империи и входили в противоречие с ее интересами. Однако, как бы ни истолковывались мотивы поведения Вильсона, в конце сентября Платов вновь получил под свое командование казачий корпус³⁸. Так Кутузов примирился с существовавшей тогда «казачьей» партией в генеральских рядах, которую в первую очередь олицетворял знаменитый «вихорь-атаман».

Вильсон, без всякого сомнения, выполняя секретные инструкции своего кабинета, играл весьма заметную роль на минном поле армейских интриг. В этом ему во многом помогала крепкая репутация «злейшего врага Наполеона» и личные дружеские связи с русскими генералами. Правда, с Кутузовым в силу противоположности темпераментов и разного понимания методов достижения победы отношения у него не сложились. Как представитель союзной державы, Вильсон занимал в Главной квартире русской армии исключительное положение. Он имел право прямой переписки с царем и в письмах резко критиковал действия главнокомандующего, однако Кутузов, несмотря на их в высшей степени враждебные отношения, не мог его удалить из армии и поневоле был вынужден с ним считаться. В целом англичанин занимал антикутузовскую позицию, но немало

претензий у него было и к Беннигсену. В то же время, заинтересованный прежде всего в полном разгроме наполеоновской армии, он искренне пытался для пользы дела примирить с Кутузовым не только Платова, но и Беннигсена. Взаимная же вражда двух высших военачальников зашла так далеко, что эта попытка потерпела неудачу.

Если рассматривать борьбу Кутузова с оппонентами, можно отыскать только два момента, когда недовольные генералы имели шансы что-либо изменить в расстановке сил на высшем военном олимпе. Первый и вполне легитимный – это заседание знаменитого военного совета в Филях. Но в рядах генералитета не существовало единой антикутузовской партии, каждый имел к потенциальным лидерам военной оппозиции не меньше претензий, чем к главнокомандующему. Кутузов же смог, столкнув лбами двух главных оппонентов (Баркляя и Беннигсена), встать над схваткой. В целом ему удавалось контролировать ситуацию и направлять ход событий в нужное для него русло.

Второй момент возник во время пребывания армии в Тарутинском лагере, когда Кутузов решился встретиться с посланцем Наполеона Лористоном. Это вызвало бурную реакцию со стороны британского генерала и по совместительству «защитника императорских интересов» Вильсона. Как явствует из его бумаг, он был срочно вызван с аванпостов в Главную квартиру, где встретился с Беннигсеном и рядом генералов. «Они представили ему доказательства, что Кутузов в ответ на переданное через Лористона предложение Наполеона согласился этой же ночью встретиться с сим последним на Московской дороге... дабы обсудить условия соглашения о незамедлительном отступлении всей неприятельской армии из пределов России, каковое соглашение должно было послужить предварительной договоренностью к установлению мира». Далее была подтверждена «решимость генералов, которую поддержит и армия, не допустить возвращения Кутузова к командованию, ежели поедет он на сию ночную встречу в неприятельском лагере». Вильсону вместе с герцогами А. Вюртембергским и П. Ольденбургским, а также с князем П.М. Волконским удалось убедить Кутузова не ездить на переговоры, а лишь принять Лористона в русском лагере³⁹. Но никаких резких шагов со стороны русского генералитета не последовало,

хотя в пору утверждать о существовании и «английской» партии, деятельно отстаивавшей русско-британские интересы.

Под занавес кампании: генеральские обиды

Последним и самым заметным актом генеральских ссор на высшем уровне стала опала главнокомандующего 3-й Западной армии адмирала П.В. Чичагова, на которого общее мнение не без помощи Кутузова возложило ответственность за неудачи на Березине. Фигура Чичагова из-за своей неординарности вызывала в среде генералитета резкое раздражение. Первоначально в 1812 г. Александр I вверил ему Дунайскую армию для осуществления экспедиции на Балканы. С этой точки зрения назначение казалось в какой-то степени оправданным, но, когда армия была перебросена на главный театр боевых действий, сухопутный адмирал без опыта командования армейскими соединениями такого масштаба воспринимался при удалении от морских просторов как недоразумение. Дохтуров иронично замечал, что «наш адмирал управляет все по ветрам», а Кутузов считал, «что моряку нельзя ходить по суше»⁴⁰.

Помимо профессиональной предвзятости армейских генералов в отношении моряков, многие современники указывали на независимый характер Чичагова и его весьма критическое отношение к собственной стране⁴¹. Подобные взгляды в момент патриотического подъема также диссонировали с общим настроением. Чичагов, пользовавшийся доверием императора, всегда имел много врагов в высших эшелонах власти, но очень скоро приобрел противников среди командного состава и в своей армии. Немаловажным фактором стало личное, затаенное до времени, недовольство Кутузова. (Чичагов был послан сменить его на посту главнокомандующего Дунайской армии для скорейшего подписания мира с турками.) Хотя не только Чичагов, но и Кутузов с Витгенштейном, оставившие его один на один с Наполеоном, в равной степени допустили явные промахи в Березинской операции и должны были по справедливости разделить ответственность за ее исход, вся вина пала на адмирала. Чичагова стали называть в военных кругах не иначе, как «ангел-хранитель Наполеона». Так, вспоминая появление в конце кампании Чичагова в Вильно, генерал

А.М. Римский-Корсаков следующим образом описал его прибытие в Главную квартиру: «Адмирал сей в общем мнении на весьма невыгодном счете. Сами военные простить ему не могут утечку Наполеона, и нет человека, ему доброжелательствующего»⁴². Под давлением общественного негодования Чичагов вскоре покинул свой пост.

Антикутузовские настроения мало затрагивали низы армии, и офицерский корпус в целом находился во власти официальных представлений о «победителе Наполеона». В конце кампании лишь некоторые штабные сотрудники позволяли себе негативно оценивать главнокомандующего в своей частной переписке. Одним из таких смельчаков оказался А.А. Закревский, продолжавший мыслить и писать в духе «русской» партии («за что произвели его в фельдмаршалы?»; «по милости вышних начальников мундир нам носить не хочется»). Он также резко высказывался по поводу награждения Александром I Кутузова высшим военным орденом св. Георгия: «Надел на Старую Камбалу Георгия 1-го класса. Если спросите за что, то ответа от меня не дождетесь»⁴³.

В Вильно в конце кампании император встретился с Р. Вильсоном и заявил, что у него много претензий к Кутузову: «Он избегал, насколько сие оказывалось в его силах, любых действий противу неприятеля... но московское дворянство стоит за него и желает, дабы он вел нацию к славному завершению сей войны. Посему я должен... наградить этого человека орденом св. Георгия, хотя тем самым нарушу его статут, ибо это есть высочайшая награда в империи... Но, к сожалению, выбора нет – надобно подчиниться вынужденной необходимости». Если же принимать на веру цитату из сочинения английского генерала, то под московским дворянством царь, конечно, разумел все российское благородное сословие, поскольку вслед за Ростопчиным многие москвичи как раз ругали Кутузова за сдачу и пожар первопрестольной. Тут уместно привести и мнение другого, не менее знаменитого иностранца и брата русского генерала – Ж. де Местра: «...Решали все природные русские, которые не желали делиться славой с иноземцами. Сами избрав Кутузова, они хотели создать для него гигантскую репутацию, для чего надобно было не только приписать ему все заслуги и неимоверно преувеличить оные, но еще отне-

сти все его ошибки на счет других, что и было сделано»⁴⁴. Бесспорно, элементы истины есть в этих словах. Кутузов в общественном мнении навсегда остался «спасителем Отечества», а Александру I всего лишь досталась роль «избавителя Европы».

В конце кампании 1812 г. в связи с прибытием к войскам императора происходила большая раздача наград и чинов, что послужило причиной очередных неудовольствий и личных обид в генеральской среде. «Сказать должно однакож, – писал 16 декабря из Главной квартиры А.М. Римский-Корсаков, – что интриг пропасть, иному переложили награды, а другому не домерили». Примерно в тех же тонах высказывался об этом и Н.Н. Раевский: «Раздают много наград, но лишь некоторые даются не случайно»; затем, перечисляя генералов, удостоенных высшего внимания, сделал очень характерную приписку: «...а я, который больше всех, чтобы не сказать один, трудился, должен дожидаться хоть какой-нибудь награды»⁴⁵. В дошедшей до нас частной переписке, относящейся к концу кампании, многие генералы высказывали своим близким недовольство большим количеством отличий своих коллег и жаловались на то, что их заслуги не были оценены по достоинству.

Заграничные походы. Генералитет под главенством «кротчайшего монарха»

Приезд императора в армию (вместе с ним в Вильно прибыли великий князь Константин, Аракчеев, П.М. Волконский) повлек за собой очередную корректировку в расстановке сил среди верхушки армейского управления. Новые назначения происходили не без личных столкновений и подковерной борьбы, чему способствовало и прибытие императорского окружения. «Главная квартира, где присутствует особенно царь, – писал С.Г. Волконский. – есть тот же столичный быт дворцовых интриг». «Связи и интриги делают все, заслуги – очень мало», – вторил ему Н.Н. Раевский. Александр I был вынужден считаться с Кутузовым, но, недовольный (во многом справедливо) его деятельностью, твердо решил взять под строгий контроль происходившие процессы. Тем самым главнокомандующий продолжал выполнять почетную функцию победителя Наполеона (что было очень важно для привлечения будущих

союзников по европейской коалиции), но его роль оказалась уже сильно ограниченной. В конце кампании 1812 г. стали отодвигать от дел Коновницына. «По тем же расчетам, по коим пал Бениксон, начал упадать и Коновницын; ибо слишком прославляемая в Петербурге слава его начала рябить в глазах Кутузова», – писал впоследствии С.М. Маевский. По его мнению, которое разделяли многие современники, К.Ф. Толь «после отступления неприятеля из Москвы начал играть большое лицо, независимо от Коновницына». Кутузов хотел видеть на должности дежурного генерала К.И. Оппермана, чему противился не желавший терять своего влияния Толь. Но император распорядился по-своему. Пост начальника штаба занял П.М. Волконский. «Как мне показалось, – вспоминал Маевский, – фельдмаршал этим выбором крайне был недоволен, потому что живой свидетель царя мог ему передавать живую картину фельдмаршала; при том, с нами он работал, когда хотел, а с Волконским работал хотя и по неволе, но без отказа»⁴⁶. С этого момента оперативные вопросы стали решаться через Волконского.

Все внутренние вопросы военного управления (хозяйственные, подготовка резервов, назначения, награды, переписка царя и т. д.) с самого начала войны Александр I сразу же замкнул на Аракчееве. «Июня 17-го дня, 1812 года в городе Свенцянах, – писал об этом событии сам знаменитый временщик, – призвал меня государь к себе и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с оного числа вся Французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления государя императора». Многие военачальники начали его именовать дежурным генералом, за что получали замечания от царского фаворита⁴⁷.

Роль Аракчеева в военном управлении на рассматриваемый период времени до сих пор остается не исследованной в отечественной историографии. Для публики он находился в тени, но некоторое представление о значимости его фигуры в 1812 г. дает переписка между ним и Александром I⁴⁸. Неслучайно большое количество документов той эпохи отложилось в его личном архиве (ОГВИА. Ф. 154). Осведомленные современники отмечали его резко возросшую роль в коридорах власти. Прибывший в ноябре 1812 г.

из армии в столицу А.А. Закревский в письме к А.Я. Булгакову отмечал: «Аракчеев в Петербурге сила всемогущая». Эту «силу» очень скоро почувствовал на себе и Кутузов. Он хотел назначить на пост начальника артиллерии объединенных армий генерала Д.П. Резвого, но Аракчеев настоял, сославшись «на волю государя», чтобы в этой должности был утвержден Ермолов. Сменивший Чичагова и призванный в Главную квартиру Барклай вынужден был несколько дней дожидаться приема у всеильного любимца императора, а когда наконец 10 февраля 1813 г. был удостоен аудиенции, то подвергся изощренному унижению⁴⁹.

Полный контроль над армией через близких лиц позволил императору единолично принять стратегически важное решение о переносе боевых действий за пределы России. Еще во время кампании 1812 г. Александр I был уверен, что «если хотеть мира прочного и надежного, то надо подписать его в Париже»⁵⁰. По многим косвенным данным (в основном мемуарным), Кутузов неоднократно высказывался против перехода русскими войсками границ. Но в силу характера он ни официально, ни в письменной форме не зафиксировал своего мнения. Кроме того, генерал-фельдмаршал по сути и не имел иного выбора: будучи слишком опытным и искушенным царедворцем, он не противился царской воле и вынужден был подчиниться.

Отметим другой важный фактор. В 1813–1814 гг. произошел карьерный взлет молодежи. За заслуги на поле брани 1812 г. генеральские чины получили немногие. Основной поток наград и чинопроизводства за отличие пришелся на два последующих года. Генеральская среда пополнялась как ветеранами армии, так и молодежью. Эта новая генерация во многом определяла настроение армейского офицерского корпуса, а ее появление вносило коррективы в расстановку сил. Молодежь активно оттирала стариков, возникали новые нюансы во взаимоотношениях генералов. Многие из них не столько следили за ростом сверстников (имевших равные с ними чины), сколько опасались, что их обгонят скороспелые карьеристы.

Генеральские страсти медленно затихали к концу 1812 г., хотя отголоски былых бурь были слышны и позднее. Так, осведомленный петербуржец И.П. Оденталь в письме к А.Я. Булгакову от 5 января 1813 г. писал, что

П.Х. Витгенштейн, сказавшись больным, сдал команду и «писал к государю, что не может продолжать службу со связанными руками». В этом же письме сообщалось: «В армии три противных партии, и это между подданными кротчайшего монарха!!!»⁵¹. Необходимо заметить, что Кутузов предпринял ряд шагов, чтобы осадить Витгенштейна, резко набравшего очки в 1812 г. и завоевавшего славу «защитника Петрополя». По мнению светлейшего князя, в операциях на Березине он показал себя не с лучшей стороны; помимо этого, Витгенштейну ставили в вину беспрепятственный уход за границу остатков войск маршала Макдональда.

Тем не менее, после того как в зените славы ушел из жизни Кутузов, главнокомандующим объединенной русско-прусской армии был назначен «победоносный» Витгенштейн. Этот выбор российский император в ущерб принципу старшинства сделал под влиянием общественного мнения сановного Петербурга. Под командой Витгенштейна оставались дееспособные генералы, старше его в чине: Барклай де Толли, Милорадович, А.Ф. Ланжерон, Платов, а в запасе по разным причинам оставались Дохтуров, Беннигсен, Вюртембергский, А.С. Феньш, не говоря уже о прусских генералах. Старейший полный генерал А.П. Тормасов не захотел подчиниться молодому в чине Витгенштейну и отбыл из армии. Последовали и другие инциденты, в первую очередь с недовольным Милорадовичем, который в разгар сражения мог отказаться от командования арьергардом или через присланного адъютанта передавать главнокомандующему выговор («когда он бывал под моим начальством, я не посылал ему противоречивых повелений»). Случались и другие столкновения между генералами.

Кроме того, присутствие Александра I привело к повторению аустерлицкого опыта 1805 г. с Кутузовым и в начале кампании 1812 г. – с Барклаем. Витгенштейн на законных основаниях считал: «В армии находится император, и я ожидаю повелений его величества». Таким образом, «никто не давал приказаний, государь надеялся на главнокомандующего, а тот на государя». После неудач под Люценом и Бауценом, связанных с именем Витгенштейна, вся армия увидела, что «звание, в которое он был облечен, не соответствовало его силам». Витгенштейн попросил уво-

лить его со столь ответственного поста. Самый активный из недовольных генералов – Милорадович – просил Александра I лично возглавить армию. На что, по словам Михайловского-Данилевского, император ответил: «Я взял на себя управление политических дел, что же касается до военных, то не беру их на себя». Тогда Милорадович предложил: «Поручите армию Барклаю, он старше всех». «Он не захочет командовать», – возразил государь. «Прикажите ему... тот изменник, кто в теперешних обстоятельствах осмелится воспротивиться вашей воле»⁵².

Вторичный приход Барклая на пост высшего руководителя войск вызвал глухой ропот в офицерском корпусе прежде всего среди недовольных его прошлой деятельностью. Как водится, в связи со сменой власти произошли очередные перестановки в штабных сферах, что только добавило Барклаю недоброжелателей. Можно лишь предполагать, во что вылились бы антибарклаевские эмоции части генералитета, но в 1813 г. резко изменилась внешнеполитическая ситуация. Помимо Пруссии, в боевые действия против Наполеона вступили Австрия и Швеция. На главном театре военных действий союзниками были созданы четыре армии, из которых только одна Польская армия оказалась по составу русской, и ее возглавил русский генерал (Л.Л. Беннигсен). В остальных армиях (Северная, Силезская, Богемская) русские корпуса подчинялись генералам-иностранцам. Барклаю же сохранил должность командующего русско-прусскими войсками в Богемской армии. Внешнеполитический фактор притушил внутренние противоречия среди российского генералитета. Необходимость противостоять претензиям со стороны прусских, шведских, австрийских (в первую очередь), а затем германских генералов (в связи с пополнением 6-й коалиции войсками лоскутных немецких государств) в определенной степени сплачивала командный состав русской армии. В 1813–1814 гг. вопрос старшинства был выведен на международный уровень. Возникла проблема выяснения статуса российских военачальников и их взаимодействия с союзниками. Так, Михайловский-Данилевский вспоминал о переговорах в 1813 г. с пруссаками, когда впервые «зашла речь о том, кому в случае совокупного действия русских и прусских войск надобно будет начальствовать – русскому ли ге-

нералу или прусскому, с нашей стороны предложено было, чтобы тот принял команду, кто старее в чине...»⁵³. Руководствуясь этим веками испытанным и проверенным в «партийных» схватках принципом, русские генералы совместно со своими коллегами из европейских армий успешно довели русские войска до Парижа. Страсти были перенесены в высшие военно-дипломатические сферы и кипели теперь главным образом в ставке союзников.

Основная интрига в тот период приобрела международный характер, где, без всякого сомнения, первую скрипку играл Александр I. В этой сфере ему не было равных. Англия, Австрия и Пруссия испытывали глубокие опасения по поводу того, что Россия при дальнейшем победоносном продвижении вперед получит огромное влияние в германских и европейских делах. До сих пор в отечественной историографии деятельность российского императора как главного политического вождя и вдохновителя 6-й коалиции не нашла адекватной оценки⁵⁴. Вряд ли правильно категоричное утверждение, что он являлся главнокомандующим в военных действиях 1813–1814 гг., но степень его личного участия в принятии стратегических решений была очень высока. В своих действиях царь опирался на штабную сферу, где помимо П.М. Волконского и Барклая де Толли основную роль играли открытые в 1812 г. молодые штабные дарования – И.И. Дибич и К.Ф. Толь. Александр I приложил максимум усилий в борьбе с тяжеловесными положениями стратегической линии поведения Австрии. Не раз ему приходилось, используя свой высокий статус российского императора и авторитет среди союзных монархов, противостоять мнению австрийского главнокомандующего К.Ф. Шварценберга и заставлять последнего принимать русскую точку зрения. Личное вмешательство Александра I в решение чисто военных проблем принесло союзникам победы под Кульмом, Лейпцигом, а настойчивость в претворении замысла броска союзных войск на Париж позволила поставить победную точку в кампании 1814 г.

Борьба группировок в армии в 1812 г. стала закономерным явлением, порожденным острой общественно-политической ситуацией в России. Сначала на первый план вышел профессиональный аспект. В штабных сферах ве-

лись споры по поводу способов и методов достижения победы, но в последующем они приобрели национальный оттенок. Всплеск недовольства действиями М.Б. Барклая де Толли привел к созданию неформальной группы генералов, которую условно можно назвать «русской» партией. Прямым результатом ее деятельности стало назначение общего главнокомандующего – Кутузова, хотя лидеры этой партии, в первую очередь Багратион, возражали против подобного решения. С прибытием Кутузова к армиям военная оппозиция потеряла возможность действовать в легитимных рамках, отпала необходимость и в национальных гонениях на генералов-иностранцев. Борьба мнений часто перерастала в личные столкновения, все их невозможно проследить и суммировать. Вскоре у Кутузова среди высших военачальников появилось критиков не меньше, чем в свое время у Барклая, но создать единую оппозицию ввиду взаимных претензий противников главнокомандующего не удалось. Это обстоятельство позволяло Кутузову поодиночке разбираться со своими главными недоброжелателями. К окончанию военных действий все недовольные покинули ряды армии. С приездом в войска Александр I стал контролировать ситуацию среди генералитета, что затруднило создание каких-либо крупных группировок. После смерти Кутузова главная роль в армии перешла к императору. Это обстоятельство заслуживает положительной оценки, поскольку в условиях коалиционной войны русский царь оказался полезным в качестве политического руководителя, вдохновителя, фактического создателя и лидера союза европейских государств в борьбе против Наполеона.

Примечания

- ¹ Великий князь Николай Михайлович. Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913. С. 13–20.
- ² Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 99.
- ³ Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990. С. 112–113.
- ⁴ Таков был, например, предводитель рязанского дворянства в 1802–1814 гг. отставной генерал-майор Л.Д. Измайлов, владевший 11 тыс. крепостных. Еще в 1802 г. император считал, что он «необузданно предается всем порокам и воз-

мутительнейшим образом приносит всех крестьян в жертву своему сладострастию и порочности». Но, несмотря на мнение царя, правительственные чиновники не могли найти законных оснований для отстранения его от должности, и в 1812 г. он возглавлял Рязанское ополчение. Под суд Измайлова отдали за преступления против крепостных лишь в 1827 г. (*Шиман. Александр I. М., 1908. С. 67–70; Русская старина. 1872. Т. VI. С. 649–664*).

⁵ Единственный случай, когда Александр I в категоричной форме потребовал отказаться от услуг отставного генерала, был связан с именем князя В.М. Яшвиля, считавшегося активным участником цареубийства Павла I. Узнав, что тот командует отрядом Калужского ополчения, император отправил Кутузову гневное послание: «С крайним удивлением увидел я из одного из рапортов ваших, что вы употребили на службе находящегося в ссылке известного Яшвиля... Вы сами себе присвоили право, которое я один имею, что, поставляя вам на замечание, предписываю немедленно послать Яшвиля сменить и отправить его в Симбирск под строгий надзор к губернатору» (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1903. Ч. VII. С. 410–411).

⁶ *Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882.*

⁷ Подробнее см.: Материалы П.А. Чуйкевича // События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. Малоярославец, 1995. С. 14–15.

⁸ Военный сборник. 1904. № 1. С. 234–236.

⁹ *Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 30–31.*

¹⁰ *Местр Ж. де. Указ. соч. С. 211.*

¹¹ *Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 42–136.*

¹² См.: *Безотосный В.М. Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопр. истории. 1999. № 7. С. 60–71.*

¹³ *Целорунго Д.Г. Офицерский корпус русской армии эпохи 1812 года по формулярным спискам: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 248; Он же. Военная карьера офицеров русской армии 1812 года – выходцев из различных регионов России и стран зарубежья // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1997. С. 101–109.*

¹⁴ В историографии еще полностью не исследованы вопросы о составе, деятельности и идеологии данной группы, не устоялось и ее название как термин. Например, В.В. Пугачев считал, что «русская» партия сложилась лишь после окончания наполеоновских войн и возглавлял ее П.М. Волконский (*Пугачев В.В. Денис Давыдов и декабристы // Тр. Музея истории и реконструкции Москвы. М., 1963. Вып. VIII. С. 111*). В монографии А.Г. Тартаковского, в которой едва ли не впервые разбираются генеральские распри первого периода войны, эта группировка названа «партией» Багратиона (*Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай... С. 83*). Подробнее см.: *Безотосный В.М. Российский титулованный генералитет в 1812–1815 годах // От Москвы до Парижа (1812–1814 гг.). Малоярославец, 1998. С. 9–45.*

¹⁵ Приложения к запискам А.П. Ермолова. М., 1865. Ч. 1. С. 179.

¹⁶ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. М., 1992. С. 278.

¹⁷ *Местр Ж. де. Петербургские письма... С. 195, 219.*

¹⁸ Из памятных записок Павла Христофоровича Граббе. М., 1873. С. 56–57.

¹⁹ *Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай... С. 79–93.*

²⁰ *Дубровин Н. Отечественная война... С. 97.* В другом письме он писал: «Отнять же команду я не могу у Барклая, ибо нет на то воли Государя» (Там же. С. 99).

²¹ Например, Н.А. Троицкий считал, что «как военный министр Барклай был вправе от своего имени или даже от имени царя давать указания командующим другими армиями» (*Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 92*).

²² *Попов А.Н. Славянская заря в 1812 году // Русская старина. 1892. № 12. С. 620; Греч И.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 331; Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 335; Военный сборник. 1903. № 11. С. 255.*

²³ См.: *Дубровин Н. Отечественная война... С. 99.*

²⁴ Там же. С. 96; *Вильсон Р.Т. Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995. С. 50, 135–136, 255–258.*

²⁵ М.И. Кутузов: Сб. документов: В 5 т. М., 1954. Т. IV. Ч. 1. С. 5–9, 47–48, 51–53, 71–74. Например, М.Б. Барклай де Толли чуть позже писал императору: «Назначение более старого генерала для командования над всеми армиями

- было необходимой мерой, которой желал и я сам» (Труды Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1912. Т. VI. Кн. 2. С. 13).
- 26 М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. 1. С. 66; Русский архив. 1874. Кн. 1. Ст. 1098–1099; *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 340; Приложения к запискам А.П. Ермолова. Ч. 1. С. 206–207.
- 27 *Местр Ж. де.* Петербургские письма... С. 220; М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. 1. С. 73; *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 70–71; *Дубровин Н.* Отечественная война... С. 101.
- 28 Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 144; РГВИА. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 28. Ч. 36. Л. 4. В личном разговоре с А.П. Тормасовым Александр I попытался объяснить причины его вызова в Главную армию и назначение П.В. Чичагова главнокомандующим 3-й Западной армией: «Я думал, что он, как личный враг Наполеона, будет действовать с полной энергией; я ошибся». Тормасов отвечал на это: «Государь, и я никогда другом Наполеона не был»» (Цит. по: Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 3. С. 109.)
- 29 *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года. С. 314; Русский архив. 1874. № 5. Ст. 1098–1099.
- 30 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 228.
- 31 *Ростопчин Ф.В.* Письма к своей подруге в 1812 г. // Русский архив. 1901. № 8. С. 464, 468. Ростопчин, стараясь всячески очернить Кутузова, явно сгущал краски; кроме того, он распространял в армии копию своего письма (составленного в язвительном тоне) к Кутузову. По словам А.А. Шаховского, письмо вредило «доверенности подчиненных к начальнику, от которого зависела судьба России» (Воспоминания князя А.А. Шаховского // Русский архив. 1886. № 11. С. 395–396).
- 32 Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VII. С. 278.
- 33 Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 96. Александр I вместе с наградами за Тарутинское сражение прислал в армию и письма Беннигсена с критикой главнокомандующего. Кутузов вызвал Беннигсена, заставил адъютанта читать свое собственное представление на Беннигсена за Тарутинское дело, затем вручил ему золотую шпагу с алмазами и 100 тыс. рублей, пожалованных царем. После чего велел также громко прочитать донесение Беннигсена императору. Во время этого действия начальник штаба «стоял, как будто гром разразил его, бледнел и краснел» (Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 115).
- 34 Сборник Русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 188–189.
- 35 По свидетельству В.И. Левенштерна, «генерал Ермолов [так] праздновал в тот день у генерала Шепелева день его ангела, что он пробыл у него слишком долго и совершенно забыл свои обязанности начальника штаба». Тот же мемуарист следующим образом оценивал отношение Кутузова к Ермолову: «Фельдмаршал, умевший расстраивать интриги, знал двоедушные генерала Ермолова и ловко умел держать его в должных границах». Далее он пояснял: «Высокое мнение, которое все имели о способностях этого генерала, начинало уже пугать самых влиятельных людей. Таким образом, Кутузов, не желая разделять своей славы с кем бы то ни было, удалил Барклая, оттеснил Беннигсена и обрек Ермолова на полнейшее бездействие. Генерал Коновницын, полковник Толь и зять Кутузова, князь Кудашев, были единственными поверенными его тайн» (Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 1. С. 116, 128).
- 36 Записки А.И. Михайловского-Данилевского: 1812 год // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 153–155.
- 37 *Вильсон Р.Т.* Дневник... С. 86, 148.
- 38 Подробнее см.: *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М., 1999. С. 75–108.
- 39 *Вильсон Р.Т.* Дневник... С. 267–270.
- 40 Русский архив. 1874. № 5. Ст. 1107–1108; Записки о войне 1812 года князя А.Б. Голицына // Военный сборник. 1910. № 12. С. 32–34.
- 41 В своих воспоминаниях Р.С. Эдлинг писала: «Чичагов не скрывал величайшего презрения к своей стране и своим соотечественникам» [Тайны царского двора (из записок фрейлин). М., 1997. С. 99]. Ж. де Местр оставил аналогичную характеристику: «Он воспитывался в Англии, где научился презирать свою страну и все, что там делается»; «презрение и даже глубокая ненависть ко всем установле-

- ниям своей страны, в которых видит он лишь слабоумие, невежество, преступления и деспотизм» (*Местр Ж. де. Петербургские письма... С. 100, 240*).
- 42 *Дубровин Н.* Отечественная война... С. 400.
- 43 Архив князя Воронцова. М., 1891. Т. 37. С. 234–235; ОР РГБ. Ф. 41. К. 86. Д. 8.
- 44 *Вильсон Р.Т.* Дневник... С. 282; *Местр Ж. де.* Петербургские письма... С. 240.
- 45 *Дубровин Н.* Отечественная война... С. 401; 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 236.
- 46 *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 276; Мой век, или История генерала Маевского // *Русская старина.* 1873. № 8. С. 161, 165; № 9. С. 253–254; 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 238.
- 47 *Русский архив.* 1866. Кн. 6. Ст. 925–926; Столетие Военного министерства. СПб., 1904. Т. II. Кн. 2. С. 78, 88–89.
- 48 Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I: Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 2. С. 574–604, 664–665.
- 49 ОР РГБ. Ф. 41. К. 86. Д. 8. Л. 6; *Дубровин Н.* Письма главных деятелей в царствование Александра I. СПб., 1883. С. 78–79; Мой век, или История генерала Маевского // *Русская старина.* 1873. № 8. С. 164–165; *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай... С. 163.
- 50 Тайны царского двора (из записок фрейлин). С. 122–123.
- 51 *Русская старина.* 1913. № 1. С. 188.
- 52 *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года // 1812 год...: Военные дневники. С. 332–337, 340, 346; *Щербинин А.А.* Военный журнал 1813 года // Там же. С. 268, 272, 275–277.
- 53 *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал... С. 319.
- 54 См.: *Соловьев С.* Император Александр I: Политика – дипломатия. СПб., 1877. С. 237–238; *Капустина Т.А.* Александр I и заграничные походы русской армии // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 1999. С. 26–35; *Она же.* Александр I и заграничные походы русской армии: Историкогеография вопроса // *Русская армия и флот в первой четверти XIX века: К 200-летию императора Александра I.* М., 2002. С. 51–64.